

новное «средство производства», но и в силу, реально меняющую мир природы, социальную действительность, сознание и души людей.

Интеллигент – это не просто образованный человек, и даже не просто ученый, а образованный человек или ученый, обладающий определенными морально-нравственными установками, понимающий, что его социальный статус – это, прежде всего, мера ответственности, которую он на себя взял. Чем выше статус, тем выше ответственность. Если же этого нет, то ученый может быть только кем-то из двух:

- либо просто функционером, великолепно подготовленным и природой-матушкой щедро одаренным, но наукой занимающимся по причине многих выгод лично для себя;
- либо «Фаустом», которого интересует только «сам процесс» и возможность его осуществлять. (Как иллюстрация - знаменитый ответ Ферми своему ассистенту, мучимому мыслью, что они создают мощнейшее смертоносное чудовище: «Не думай об этом. В конце концов, мы просто занимаемся красивой физикой»).

Возникает большой соблазн думать, что не бывает «чистых» типов, что чаще всего встречаются «переходные» варианты. Но представляется, что это не так, если брать за основание классификации служение, долг, патриотизм. Конечно, мы не настаиваем на однозначности выбранного основания и не объявляем всех, кто не попал в группу «интеллигентов» недостойными людьми или аморальными типами. Люди всякие нужны, люди всякие важны. Однако тенденция исчезновения интеллигенции и из науки вызывает не только ностальгию по великой Родине и хорошей идее, которая рождает нацию, но и вполне рациональное беспокойство за собственное будущее и будущее своих детей, у которых, скорее всего, другой Родины не будет.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Телиженко Л.В.

г. Сумы. Украина

Существует точка зрения, согласно которой одной из причин современного антропологического кризиса стал кризис интеллигенции как «специфической социальной группы», которая в любом цивилизованном обществе является источником генерирования новых смыслов (А.С. Ахиезер). Поэтому и выход из кризисной ситуации находится «в руках» той же интеллигенции. Однако сегодня ситуация на самом деле такова, что роль интеллигенции не может быть осмыслена без понимания сущности ее особого «нестатусного» места в обществе, связанного с тем, что интеллигенцию образуют выходцы из разных социальных слоев и групп. В соответствии с этой мыслью *гипотеза автора тезисов* состоит в том, что интеллигенция репрезентирует не те или иные социальные группы маркузевских одномерных людей и даже не всю их совокупность, - она наиболее близка к *выражению сущности человеческого в человеке*. Более того, автор утверждает, что интеллигенция является не изгоем социальной структуры общества, не маргинальным анклавом в теле данной структуры, *а выполняет прямо противоположную функцию - является ее порождающей основой, субстанцией*. Вследствие этого проблема понимания сущности интеллигенции фактически смыкается с проблемой понимания сущности человека вообще.

Обе проблемы могут быть решены с позиций современной постнеклассической рациональности, которая формирует новое мировоззрение и методологически обосновывает понимание сущности человека как онтико-онтологической целостности. Так, с позиций метафизики тотальности человек как индивид, как онтическая самость одновременно является частью более широких оснований, «выполняющих по отношению к нему и другим проявлениям этих оснований онтологическую, субстанциальную функцию» (В.В. Кизима). Но поскольку бытие есть онтологическая субстанция, а человек – одна из форм ее проявления, которая всегда в ней присутствует, то человек оказывается единым со всеми другими формами проявления бытия, со всем сущим. Следовательно, причинно действуя во всех средах своего онтического пребывания, он метапричинно воздействует на субстанциальные основания самих этих сред как на общее условие любой онтики, на все бытие как свой дом, испытывая при этом на себе его обратное кондициональное воздействие.

Такое понимание дуальной онтико-онтологической сущности человека, пребывающего внутри мира, открывает и новый взгляд на понимание роли интеллигенции как истока человечности, как передовой части общества, которая призвана глубоко осознавать, чувствовать, внутренне переживать эту глобальную связь себя со всем и действовать в любых социальных и исторических ситуациях без разрушения гармонии всеединства человека, общества, природы, направляя усилия всего человечества на ее сохранение.

В таком смысле истинными интеллигентами исторически оказывались только адекватные в своей *человекомирной* и *человекомерной* сущности люди, жизнь которых всегда оказывалась в определенной мере мистической и трагической одновременно. Мистической – в понимании онтологической связи времен и умения сознательно творить и действовать вне времени, трагической – в своей одинокой онтической ситуации, подобной юнговскому человеку, стоящему на самом краю мира. Поэтому быть истинным в единстве онтического и онтологического сегодня оказывается требованием не только к современной интеллигенции, призванной нести мудрость целого в мир, а и ко всему обществу, пребывающему на путях наращивания глобального кризиса человечества.

Но, как показывает действительность, настоящие интеллигенты так же редки, как и раньше, а потеря смыслов, самоидентификации человека по-прежнему остаются едва ли не самым стабильным признаком современного общества, члены которого в подавляющем большинстве обладают или стремятся обладать ис-

ключительно внешними атрибутами интеллигента.

Трудность заключается в том, что сущностная особенность интеллигенции, как и ее роль, связаны с познанием самого себя, выявлением в духовных ландшафтах самости присутствия всего бытия, способностью видеть и переживать его полноту, умением переводить неявное в явное, что деятельно предполагает несоответствие онтической практики самого себя с онтологической практикой самого бытия.

С точки зрения тоталогического подхода путь к этому проходит через объединяющую онтологическую составляющую человека, которая требует ориентирования не только на обычную логику и выявление причинных связей, но и на переживание бытия в себе, истинным критерием которого в конечном итоге может быть только чувство всеохватной любви.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: БЛЕСК И НИЩЕТА ДУХА

Цветков А.П.

г. Симферополь. Украина

«...Я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо ли она или чудовище, - я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре».

Д. Мережковский

Возникшее на Западе понятие «интеллигенция» в современных западных странах, как правило, не употребляется, там популярен термин «интеллектуалы» (intellectuals), которым обозначают людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью и не претендующих при этом на роль носителей «высших идеалов» или на особую культурную миссию.

В России «первыми типично русскими интеллигентами» были, по мнению Д.С.Лихачева, дворяне-вольнодумцы конца 18-го века, такие как Радищев и Новиков. Но уже в 19-м веке основную массу этой социальной группы стали составлять выходцы уже из недворянских слоев общества («разночинцы»), многие из которых «интеллигентскую правду» предпочли «философской истине» (Н.Бердяев) и отличились своеобразным «героизмом и подвижничеством» (С. Булгаков).

После выхода сборника «Вехи» (1909), интеллигенция стала определяться в первую очередь через противопоставление официальной государственной власти.

Считается, что понятие интеллигенции было введено в русский язык П.Д. Боборыкиным, известным беллетристом 19-го века. По его мнению, интеллигенция в России - это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции в этом понимании относятся люди разных профессиональных групп, принадлежащие к разным политическим движениям, но имеющие общую духовно-нравственную основу. Вопреки тому, что мода на эрудицию и энциклопедичность знаний (можно говорить о «русских парсифалях», жаждущих открыть все тайны Грааля) была характерной чертой русской интеллигенции, сила ее заключалась - не в интеллекте, не в уме, а в сердце и совести. Поскольку сердце и совесть свободны и правы, ум же не свободен и часто не прав.

Постепенно в русской культуре понятие интеллигенции приобретает черты социального мессианства. В этом смысле русского интеллигента можно представить как человека, который *живет и свободно мыслит собственным умом*, а чувствует и *переживает чужую боль, как свою собственную*. Это боль за судьбу отечества (гражданская ответственность), за состояние общественной морали, за «униженных и оскорбленных». Именно с этим особым смыслом слово «интеллигенция» вернулось затем обратно на Запад, где стало считаться специфически русским (intelligentsia).

Примечательно, что умонастроения и предчувствия русской разночинной интеллигенции во многом созвучны умонастроениям и предчувствиям современной интеллигенции. «Русские парсифали» 19-го века видели главное метафизическое зло в нарастающем шестивии филистерства и мещанства. Так, Герцен пишет, что если в Европе не произойдет какой-нибудь неожиданный переворот, который возродит человеческую личность и даст ей силу победить мещанство, то, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христианство, Европа сделается Китаем. Китай тогда понимался многими как символ абсолютного мещанства, казенщины и примитивного позитивизма.

Апофеозом изобличения мещанства во всех его проявлениях стала знаменитая статья Д. Мережковского «Грядущий Хам». У этого Хама в России, по его мнению, три лица. *Первое*, настоящее - над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. *Второе* лицо, прошлое - рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, духовное мещанство - в самом источнике всякого благородства. *Третье* лицо, будущее - под нами, лицо хамства, идущего снизу - хулиганства (сегодня: бандитизма), босячества, черной сотни (сегодня: терроризма) - самое страшное из всех трех лиц.

Эти три начала духовного мещанства, по мнению Д.Мережковского, соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа - живой плоти; против церкви - живой души; против интеллигенции - живого духа России. Для того чтобы в свою очередь три начала духовного благородства и свободы могли объединиться против трех начал духовного рабства и хамства - нужна общая идея, которая соединила бы интеллигенцию (сакральный дух), церковь (сакральную душу) и народ (сакральное тело) в единый организм.

Кто сегодня может дать такую идею? Ясно, что из померкшего блеска и истончившейся нищеты духа русской интеллигенции она вряд ли возникнет.